

## РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'25

**Василевич А.П., Грекова В.Е.**  
Московский государственный  
областной университет

### НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА (К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)\*

*Аннотация.* Исследуется зависимость качества художественного перевода от характера формирования языкового сознания переводчика. Рассматриваются три варианта перевода романа «Идиот» Ф.М. Достоевского с русского на английский язык. Материалом анализа служит эмоциональная лексика. Идеальный случай (переводчик обладает сформированным языковым сознанием на обоих языках) вряд ли достижим. Наилучшим оказался переводчик, для которого язык перевода – родной, а языковое сознание языка перевода активно формируется вследствие длительного проживания среди носителей этого языка. Для оценки качества перевода разработана специальная экспертная процедура.

*Ключевые слова:* языковое сознание, теория перевода, эмоциональная лексика, экспертная оценка.

A. Vasilevich, V. Grekova

Moscow State Regional University

THE TRANSLATOR'S NATIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS (hints on the research procedure)

*Abstract.* The article studies dependence of the translation quality on the way a translator's language consciousness is formed. Three versions of translation of the novel 'Idiot' by F. M. Dostoevsky from Russian into English are regarded. The material for analysis is emotional vocabulary. The ideal situation (a translator possesses well-formed language consciousness in both languages) can hardly be obtained. It turned out that the best translator is the one whose mother tongue is the target language and whose language consciousness in the language of the original text is formed thanks to prolonged living among native speakers. To evaluate the translation quality spe-

cial expert procedure has been worked out.

*Key words:* language consciousness, translation theory, emotional words, expert evaluation.

Как известно, основу национального языкового сознания составляет родной язык индивида и – в более широком плане – культура той среды, в которой данный индивид формируется и развивается. Насколько устойчиво это сознание? Что происходит в случае, когда индивид сформировался в одной культурно-языковой среде, а затем волею обстоятельств переместился в другую среду (например, эмигрировал)? Этот вопрос приобретает особую актуальность, когда в качестве подобного индивида выступает переводчик художественной литературы. Глубокое проникновение в суть оригинала самым тесным образом связано с соответствием языкового сознания автора оригинала сознанию переводчика. Но, с другой стороны, качество перевода во многом зависит и от соответствия языкового сознания того же переводчика сознанию будущих читателей перевода. Сначала переводчик должен адекватно понять мысль оригинала, а потом преуспеть в передаче этой мысли на другом языке.

Понимание текста – процесс перцептивный, в некотором роде исследовательский. В случае необходимости можно заглянуть в словарь, обратиться к носителям языка, специалистам и т. д. В свою очередь, выражение мысли на другом языке – уже процесс продуктивный, творческий. Наша основная гипотеза: больше шансов на успешный перевод будет у того человека, который, с одной стороны, имеет возможность максимально адекватно понять оригинал (для этого необязательно быть носителем языка оригинала), а с другой стороны – обладать способностью точно выразить на языке перевода заданную мысль (здесь у

\* © Василевич А.П., Грекова В.Е.

переводчика, родной язык которого совпадает с языком перевода, несомненное преимущество).

Для проверки гипотезы, разумеется, следовало обратиться к относительно сложным случаям, когда переводчику требуется достаточно тонкое понимание деталей текста. В этой связи уместно вспомнить о понятии *лакуна* [Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. 1988] – фрагмент текста, который содержит нечто непонятное, странное, требующее дополнительных усилий для понимания. Наиболее типичными являются лакуны, отражающие национально-культурные особенности коммуникантов (автор оригинала, переводчик, читатель перевода), которые, конечно, принадлежат к различным лингвокультурным общностям. К числу таких лакун можно смело отнести тексты с эмотивной лексикой, поскольку в них неизменно отражается национальный темперамент. «Англосаксы восклицают тише, удивляются, волнуются, ликут спокойнее славян» [Флорин С. 1975, 76].

Таким образом, естественно было предположить, что перевод эмотивной лексики художественного произведения не может не нести на себе печать национально-языкового сознания. Если сами слова, называющие конкретные эмоции (*гнев, печаль* и т. п.) перевести несложно, то совсем непросто передать нюансы, заложенные в словах, описывающих и выражающих эмоции – так, чтобы иностранному читателю стало ясно, что подразумевал автор оригинала.

Мы обратились к творчеству Ф.М. Достоевского как одного из самых выразительных авторов русской классической литературы, чьи произведения насыщены эмотивной лексикой, благодаря очень острым и ярким переживаниям его героев. Об уникальности этой стороны текста Достоевского говорил, например, И. Бродский в своём эссе «О Достоевском» [Бродский И. 1980].

Выбор пал на роман «Идиот», и обусловлено это было двумя обстоятельствами. Во-первых, благодаря таким персонажам, как страстная Настасья Филипповна, неистовый Рогожин, своенравная Аглая Епанчина, произведение наполнено эмотивной лексикой. Во-вторых, в нашем распоряжении оказалось три варианта перевода романа на английский язык. При этом переводчики оказались людьми трёх принципиально разных позиций относительно сформированности языкового сознания.

*Первый перевод* выполнен англичанкой Констанс Гарнетт, которая изучала русский язык в Кембридже, где она также училась латинскому и

греческому. При изучении русского языка Гарнетт помогали друзья из русских эмигрантов, например Феликс Волконский. В 1893 г., после поездки в Россию, где она встречалась со Львом Толстым, появились англоязычные версии произведений Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Гончарова, Островского, Достоевского, Чехова. В своих ранних переводах Гарнетт пользовалась помощью русского анархиста Степняк-Кравчинского.

*Второй перевод* был выполнен Дэвидом Магаршаком. Он родился в России (г. Рига) и учился в русской средней школе. В 1920 г. эмигрировал в Англию и в 1931 г. получил английское гражданство. Закончил Университет Колледж в Лондоне по специальности «Английский язык и литература». Впоследствии он опубликовал несколько романов. Что касается переводческой практики, то, помимо романа «Идиот», он перевёл на английский ещё несколько романов Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»), а также ряд произведений других русских классиков («Мёртвые души», «Обломов», «Дама с собачкой»). Кроме этого, он написал биографии Чехова, Достоевского, Гоголя, Пушкина, Тургенева и Станиславского.

Заметим, что, по некоторым свидетельствам, в работе над «Идиотом» Магаршак использовал перевод Гарнетт в качестве модели для собственного перевода [Navrozov A. 1990].

*Третий перевод* принадлежит перу Ю.М. Катцера. Он родился в конце XIX в. в Великобритании, где получил филологическое образование. В 40-е гг. приехал в СССР и остался здесь жить. К моменту работы над «Идиотом» он прожил в русской языковой среде 20 лет, причём все эти годы занимался активной филологической деятельностью. Много лет Катцер преподавал теорию перевода в Институте иностранных языков им. М. Тореза. С годами он стал одним из ведущих переводчиков с русского языка на английский, был введён в состав специальной группы переводчиков, которой было поручено переводить собрания сочинений видных писателей и политических деятелей, включая В.И. Ленина. Эта группа регулярно собиралась на своеобразные семинары, в ходе которых обсуждались тонкости перевода и трудности, встретившиеся в работе того или иного переводчика.

Резюмируем различия между тремя переводчиками нагляднее (см.: табл. 1).

#### Анализ языкового материала.

Чтобы сделать исследование обозримым, мы решили ограничить рассмотрение эмотивной

## Характеристика переводчиков

№№	Переводчик	Среда формирования языкового сознания	
		языка оригинала	языка перевода
1	Гарнетт	практически отсутствует	Англия, с рождения
2	Магаршак	Россия, с рождения	Англия, взрослое состояние, интенсивно, продолжительное время
3	Катцер	Россия, взрослое состояние, интенсивно, продолжительное время, профессиональные контакты	Англия, с рождения

лексики только базовыми эмоциями. Ранее мы уже описали эксперимент, результатом которого стал отбор шести базовых эмоций: печаль, радость, гнев, страх, удивление, интерес [Грекова В.Е. 2009]. Соответственно, при анализе переводов мы обращали внимание только на эти эмоции, точнее, на лексику, с ними связанную. Обнаружив в тексте романа подходящий, по нашему мнению, пример, мы находили соответствующее место в каждом из трёх вариантах перевода и выписывали их.

Мы, по возможности, избегали сомнительных случаев, например: «...только отец по обыкновению дурачится, но ведь это совершенный безобразник сделался...» Можно предположить, что с помощью слова «безобразник» говорящий выражает свой гнев по отношению к поведению отца, но эта гипотеза кажется несколько натянутой. Также следует уточнить, что, когда интересное нас слово встречалось в некотором выражении, мы работали непосредственно с самим словом. Например: «...спросил князь с особенным любопытством» (важно, как переведено слово *любопытство*, но в данном случае совершенно неважно, как переводчик передал усиление *особенным*).

Отобранные таким образом примеры (их оказалось 310) и составили материал нашего исследования. Все примеры можно условно разделить на три группы:

1) слова, непосредственно называющие соответствующую эмоцию (например: «... у вас есть какая-нибудь тайная грусть» (оригинал); в переводе 1 – «... *trouble*»; в переводе 2 – «... *sorrow*»; в переводе 3 – «... *sadness*»);

2) лексика, описывающая эмоцию косвенным образом, в том числе через описание внешнего проявления эмоции (например: «Мари лежала на полу у ног старухи, голодная, оборванная и плакала.» – оригинал [связано с грустью]; в переводе 1 – «... *weep*»; в переводе 2 – «... *cry*»; в переводе 3 – «... *in tears*»);

3) лексические средства, с помощью которых эмоция выражается имплицитно, так что от читателя требуется определённая аналитическая работа (например: «Наверно у него ноги слабели и деревенели, и тошнота была...» – оригинал [имплицитруется страх]; «his legs must have grown weak and wooden» – перевод).

Ситуация была взята самая простая, и в этой ситуации варианты перевода, предложенные тремя переводчиками, по большей части совпадали. Например: «Я ничего за себя и не боялась.» – оригинал; в переводе 1 – «... *afraid*»; в переводе 2 – «... *afraid*»; в переводе 3 – «... *afraid*».

Однако и в подобных случаях варианты перевода порой различались: «Вы меня удивляете...» – оригинал; в переводе 1 – «... *amaze*»; в переводе 2 – «... *surprise*»; в переводе 3 – «... *astonish*».

#### Проблема оценки качества перевода

Теперь, когда достаточное количество примеров было отобрано, перед нами встала задача: оценить качество перевода. Мы прибегли к методу экспертной оценки. Все привлечённые эксперты в достаточной степени владели английским языком (русский язык был для них родным).

Эксперт получал в своё распоряжение слово оригинала (вместе с контекстом, позволяющим в полной мере уяснить значение слова при данном его употреблении). Далее ему давались три варианта перевода слова на английский язык и – что принципиально! – толкование каждого слова из толкового словаря английского языка. Это толкование позволяло эксперту уточнить для себя узусное значение выбранного слова, то есть то значение, которое скорее всего придаст слово англоязычный читатель.

Оценки выставлялись экспертом по пятибалльной системе. Разумеется, при такой процедуре невозможно избежать определённого субъективизма, поэтому с каждым словом работало от 2 до 4 экспертов. Приведём примеры оценок (см. ниже табл.).

Как мы видим, оценки экспертов отнюдь не

Оригинал: «Вы меня удивляете...»	Варианты перевода		
	1 – <i>amaze</i>	2 – <i>surprise</i>	3 – <i>astonish</i>
Оценка эксперта 1	4	5	5
Оценка эксперта 2	4	3	4

совпадают, причём можно говорить, что эксперт 1 вообще склонен ставить более высокие оценки. Поскольку мы должны будем в дальнейшем объединять данные по экспертам, мы должны каким-то образом нейтрализовать «фактор психологической индивидуальности». С этой целью была проведена следующая процедура «взвешивания оценок». Для каждого эксперта была вычислена средняя величина всех его оценок. Например, эксперт 4 оценивал 81 пример, и его средняя оценка по всем этим примерам составила 3,188, а аналогичная оценка эксперта 1 была 4,148. Эксперт 4 вообще имел наименьшую величину средней оценки (можно считать его самым «строгим» судьёй). Мы приняли его показатель за 1. Тогда поправочный коэффициент эксперта 1 составил  $(4,148 : 3,188) 1,301$ . Другими словами, чтобы нивелировать психологический фактор эк-

сперта 1 (он слишком «мягок»), следует все его оценки умножить на коэффициент 1,301. В этом случае оценки всех экспертов станут сопоставимыми.

Однако при сопоставлении суммарных данных по переводам следовало учесть ещё два обстоятельства. Во-первых, для разных эмоций у нас было весьма разное число примеров (ср.: для *радости* – более 80, а для *страха* – всего 25). Чтобы уравнивать «вклад» каждой эмоции, мы предварительно усреднили данные по каждой эмоции. Во-вторых, по естественным причинам мы устранили из рассмотрения те примеры, в которых все три перевода были одинаковыми.

Результаты анализа.

Применив описанную выше процедуру подсчетов, мы получили следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

**Средние взвешенные оценки качества перевода**

Переводчик	Эмоции						Средний балл
	страх	радость	интерес	гнев	удивление	печаль	
1	4,04	3,98	4,23	3,70	3,27	3,25	3,74
2	4,28	4,14	3,79	3,93	4,00	3,94	4,01
3	4,82	4,58	4,54	4,28	4,61	4,55	4,56
средний балл	4,38	4,23	4,19	3,97	3,96	3,91	

Очевидно, что эксперты, в целом, сочли наилучшим перевод № 3. Это относится ко всем эмоциям без исключения.

Посмотрим, как можно оценить этот результат в свете выдвинутой нами гипотезы.

Вернёмся к характеристике переводчиков и преобразуем данные табл. 1 таким образом, чтобы обозначить степень владения языком. Например, через «+++» обозначим ситуацию, когда переводчик имеет дело с родным языком, «++» – когда язык неродной, но у переводчика есть все возможности для уточнения языковых нюансов и т. д. (будем считать, что все переводчики в равной

степени владеют родным языком и достаточно хорошо знают язык перевода, хотя на самом деле это может быть и не так). Тогда табл. 1 примет следующий вид (см. ниже).

Обозначим через «A>B» ситуацию, когда перевод А лучше перевода В. Тогда, исходя из характеристик наших трёх переводчиков, возможны следующие исходы нашего исследования:

♦ 3>2 → прямое подтверждение гипотезы: совпадение родного языка переводчика с языком читателей переводного текста явно важнее, чем совпадение родного языка переводчика с языком оригинала;

№.№	Переводчик	Перцептивные возможности	Продуктивные возможности
1	Гарнетт	-	+++
2	Магаршак	+++	+
3	Катцер	++	+++

## Индивидуальные предпочтения экспертов по отдельным эмоциям

Характер предпочтения	3>2	3>1	2>1	1>2	Остальные случаи
Число предпочтений	11	11	8	3	0 или 1

♦ 2>3 → отклонение выдвинутой гипотезы;

♦ 3>1 → для качества перевода важно наличие достаточно длительного пребывания переводчика в среде языковой культуры автора оригинала;

♦ 2>1 → полное отсутствие опыта формирования языкового сознания переводчика с языковым сознанием автора оригинала не компенсируется наличием исходного сознания на языке перевода;

♦ 1>2 → совпадение исходного языкового сознания переводчика с языковым сознанием читателей переводного текста является решающим, даже если по остальным факторам переводчик уступает;

♦ 1>3 → маловероятная ситуация, противоречащая здравому смыслу.

Из таблицы 2 следует, что в нашем исследовании реализованы следующие исходы: 3>2, 3>1, 2>1. Это подкрепляется и данными по отдельным экспертам (табл. 3).

Таким образом, в полном соответствии с нашей гипотезой можно констатировать, что для успешного перевода крайне важно, чтобы репродуктивный язык был родным (3>2). Весьма важна и возможность адекватной перцептивной работы (3>1). Полное отсутствие одной из этих составляющих сильно понижает шансы на хороший результат (2>1), хотя и не фатально (1>2).

Подведём итоги. То, что перевод Гарнетт оказался наименее удачным, вполне согласуется с известными нам литературными данными. По некоторым свидетельствам, она работала быстро и пыталась сделать текст удобным для прочтения. Если переводчица не понимала значения

того или иного слова, она опускала эту часть [Чуковский К.И. 1968].

Дональд Рейфилд, сравнивая переводы произведений Чехова, сделанные Гарнетт и другими специалистами, был впечатлен ее внимательностью при разборе синтаксических конструкций, а также тем, как она работает при подборе нужных определений растений, птиц и рыб, однако не мог не заметить, что она делает элементарные ошибки [Rayfield D. 1990].

Сильно критиковал Гарнетт за «искажение особого стиля писателей» Иосиф Бродский. Он, в частности, писал: «Причина того, что англоговорящие читатели едва ли могут объяснить разницу между Толстым и Достоевским, заключается в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанс Гарнетт» [Remnick D. 2005].

## ЛИТЕРАТУРА:

1. Бродский И. О Достоевском / Авторизованный перевод с английского А. Сумеркина, 1980. – <http://brodsky.da.ru>
2. Грекова В.Е. Психолингвистический подход к определению базовых эмоций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия “Лингвистика”, 1. – М.: МГОУ, 2009.
3. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст и его национально-культурная специфика // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988.
4. Флорин С. Ремарка – пунктуация – темперамент // Тетради переводчика. – М., 1975.
5. Чуковский К.И. Высокое искусство. – М., 1968.
6. Navrozov A. Dostoyevsky, With All the Music. – New York Times, 11th November, 1990.
7. Rayfield D. Understanding Chekhov. – L.: University of Wisconsin Press, 1999.
8. Remnick D. The Translation Wars. – The New Yorker, 7th November, 2005.